

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

**А. П. КАЖДАН. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВИЗАНТИИ
XIII—XIV вв.**

Москва, 1952

Книга А. П. Каждана «Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.» представляет одну из первых марксистских работ обобщающего характера, посвященную аграрным отношениям поздней Византии (XIII—XIV вв.). Работа эта, несомненно, имеет ряд достоинств: автор предпослал основным главам хорошее историографическое введение, в котором дал объективную характеристику трудов своих предшественников. Он правильно и остро критикует несостоятельные концепции буржуазных ученых, отрицавших самое существование феодальных отношений в Византийской империи, не понимавших характера феодальной ренты, феодальных учреждений, классовой борьбы. Характеризуя аграрные отношения в поздней Византии, автор исходит из того, что община являлась основным учреждением средневекового общества: он правильно отмечает, что именно община, а не поместье лежит в основе византийских аграрных отношений.

Хорошо показал А. П. Каждан различные категории византийского феодального крестьянства, а также расслоение крестьянства — выделение в XIII—XIV вв. значительного количества неимущего, беднейшего крестьянства, составлявшего, по подсчетам автора, до одной трети общего числа крестьян. Он правильно отмечает, что этот процесс ускорился вследствие гнета феодалов и злоупотреблений сборщиков налогов, вследствие постоянных войн, происходивших в XIII—XIV вв. на территории Византийской империи, прежде всего — турецкого нашествия, и, наконец, вследствие ростовщичества.

Можно согласиться с автором, что одновременно с разложением общины в византийской деревне XIII—XIV вв. происходит изменение характера поместья. Эти столетия характеризуются в истории аграрных отношений в Византии ростом крупного землевладения. Акты византийских монастырей показывают, как богатые монастыри подчиняют себе мелкие монастыри и владения мелких феодалов. Монастырские владения имеют значительные по размерам домены; частично эти земли сдаются в аренду, частично обрабатываются трудом крестьян-обычников. Отмечая рост отработок и появление новых видов натуральной ренты, А. П. Каждан делает правильный вывод о том, что эти явления проливают свет на формы приспособления крупной вотчины к наступлению товарного хозяйства, что византийские феодалы, продававшие хлеб итальянцам, стремились выжать прибавочный продукт в большем, нежели прежде, размере, действуя при этом чисто феодальными методами.

Можно согласиться с положением, которое автор выдвигает в конце своей работы, утверждая, что народные движения в Византии середины

XIV в. были порождены кризисом феодальных отношений и в свою очередь расшатывали старый феодальный порядок. Конечно, конфискация имущества знати, физическое истребление ряда архонтов — все это наносило такой удар классу феодалов, от которого он уже не мог оправиться. Поэтому Византию времени Палеологов никак нельзя называть «золотым веком византийского феодализма».

Наконец, автор в своей работе показал хорошее знакомство с византийскими источниками и умение самостоятельно ставить и разрешать научные вопросы.

Все эти достоинства и побудили Академию Наук СССР издать труд молодого ученого.

Но в книге А. П. Каждана, к сожалению, имеется немало ошибок и промахов, объясняемых тем, что хотя эта работа неоднократно обсуждалась советскими византинистами, автор, очевидно, не принял во внимание ряда замечаний.

Поэтому промахи эти и ошибки сразу бросаются в глаза компетентному читателю.

Прежде всего исследованию А. П. Каждана не предпослана общая характеристика Византии XIII—XIV вв., совершенно необходимая для понимания процессов, происходивших в византийской деревне, не показано соотношение классовых сил и специфика политической обстановки того времени. Поэтому на работе лежит отпечаток так называемого «экономического материализма», который в течение длительного периода насаждала у нас антимарксистская, антиисторическая «школа» М. Н. Покровского. Характерной чертой этого экономического материализма является, как известно, недооценка явлений надстроечного характера и сведение всей истории к механическому стихийному саморазвитию экономики. Ошибки такого рода имеют место и в работе А. П. Каждана, у которого аграрные отношения Византии изображаются, так сказать, «вне времени и пространства».

Работа начинается характеристикой сельскохозяйственной техники (первая глава книги); вторая глава называется «Сельское поселение». В обеих этих главах не показано то специфическое, что характеризует историю Византии XIII—XIV вв. Перед нами выступает процесс механического, стихийного саморазвития экономики, причем, за недостатком источников XIII—XIV вв., автор сплошь и рядом цитирует источники, относящиеся к самым различным периодам византийской истории, начиная с IX в.; и притом, несмотря на эти натяжки, он дает только самые скудные, гипотетические выводы, мало отличающиеся от тех, к которым пришла Е. Э. Липшиц в своей работе «Византийское крестьянство и славянская колонизация VII—VIII вв.». К этому нужно добавить, что аграрные отношения автор никак не связывает с историей византийского города.

То, что А. П. Каждан пишет о государственных податях и ренте, далеко не всегда подтверждается источниками.

В главе VI он не показал невыносимой тяжести византийских налогов, их чрезвычайного многообразия, не подметил того обстоятельства, что при возрастающем имуществе налоговые ставки не увеличиваются, а, наоборот, сравнительно уменьшаются, так что, следовательно, наиболее бедные налогоплательщики платят относительно большую, а наиболее богатые — относительно меньшую подворную подать (это вынуждены были отметить даже буржуазные византинисты Р. Дёльгер и Г. Острогорский). Вместо этого всю главу VI А. П. Каждан посвящает вопросу, имеющему лишь академическое значение, а именно: что существовало в поздней Византии — феодальная рента или же диоклетиановская система обложения?

А. П. Каждан не продвинул вперед изучение труднейшего вопроса — о византийской системе обложения в XIII—XIV вв. Такого, например, определение эпителии, которое дается на стр. 160, — хотя сущность эпителии была хорошо определена еще до появления рецензируемой книги. Пока известный участок земли не был записан в податных и писцовых книгах за новым владельцем, приобретшим его куплей или каким-либо другим способом, поземельную подать за него вносил, конечно, тот, кто владел им прежде, — другими словами, требования сборщиков податей обращались к тому, за кем участок был записан в книге, чей стих или столбец он составлял там. Поэтому, купив за деньги известное количество модиев земли, приобретатель, во-первых, выплачивал определенную договором покупную сумму, а затем принимал на себя обязанность ежегодно вносить казенную подать, отдавая ее либо в руки продавца, т. е. прежнего хозяина, либо непосредственно сборщикам податей.

А. П. Каждан отказывается от объяснения терминов βιολόγιον (стр. 147), χαράμη, κεφαλιότικον, ὠφέλεια, οἰκομόδιον (там же). Слишком смелым я считаю его утверждение о том, что в поздней Византии уже не существовало подушной подати (стр. 145). Чтобы обосновать это положение, А. П. Каждан должен был бы подробно остановиться на применении χαπνικόν в поздневизантийской налоговой практике; он должен был бы также объяснить то место Лаврской писцовой книги 1420 г., где говорится, что парыки платили и поголовную подать (шесть парических семей имения Сике платили Лаврскому монастырю 30 иперперов хрисотелии и 5 иперперов кефалиотика)¹, и, кроме того, объяснить выражение κεφάλαιον — в смысле поголовной подати — в афонских актах, напечатанных Т. Флоринским: в одном из них прямо сказано, что Стефан Душан прощает Иверскому монастырю требуемые со стороны казны поголовную и поземельную подати за имение Радливо (ἐνεργετῆ τὰ ἀπὸ τοῦ Ῥαδολίβου ἀπαιτούμενον παρὰ τοῦ μέρους τοῦ δημοσίου κεφάλαιον καὶ το ζευγαρχτικόν).² Пока А. П. Каждан не проделал этой работы, его собственное утверждение является совершенно необоснованным.

В некоторых местах книги встречается нечеткость в формулировках. Так, на стр. 25 А. П. Каждан обрушивается на Б. Т. Горянова за то, что Горянов считает «основным вопросом при анализе положения византийского крестьянства вопрос о характере крестьянской собственности». Каждан считает этот вопрос второстепенным. На самом деле, как указывает И. В. Сталин в своей последней замечательной работе «Экономические проблемы социализма в СССР», феодальная собственность на землю была основой феодализма. И. В. Сталин пишет: «Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»³. Таким образом, ясно, что вопрос о собственности не может быть второстепенным. Правда, книга Каждана вышла в свет до появления труда И. В. Сталина, но уже в 1938 г. была напечатана работа И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», где дается характеристика пяти основных типов производственных отношений, и характеристика феодализма начинается так: «при феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и не полная собственность на

¹ G. Rouillard—P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, p. 168.

² Т. Флоринский. Афонские акты и фотографии с них в собр. П. И. Севостьянова, стр. 93.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

работника производства... Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на своё частное хозяйство, основанная на личном труде»¹.

Следовательно, Б. Т. Горянов правильно считал, что основным вопросом при анализе положения византийского крестьянства является вопрос о характере крестьянской собственности, и негодование Каждана по поводу такой постановки вопроса является ошибочным.

Нельзя сказать, что Каждан в своей книге игнорирует вопросы истории классовой борьбы. В двух местах он останавливается на восстании вифинских акритов при Михаиле Палеологе и на восстании в Фессалонике при Иоанне Кантакузине, но описание этих восстаний не связано органически с содержанием книги, является в ней как бы «инородным элементом». В описании Вифинского восстания А. П. Каждан повторяет мои выводы, при описании Фессалоникийского восстания — выводы О. Таффрала и Б. Т. Горянова. Попытки автора внести в характеристику последнего восстания что-то свое, новое, не увенчиваются успехом. Так, непонятно, из каких данных исходит Каждан, утверждая, что между фессалоникийскими революционными зилотами середины XIV в. и реакционным Афоном существовали какие-то связи, что вождь зилотов Андрей Палеолог нашел себе убежище в этом центре идеологической реакции.

Неприятно поражает в молодом ученом его крайняя самоуверенность, стремление отстаивать во что бы то ни стало свои ошибочные положения.

У Каждана нередко встречаются необоснованные и ошибочные гипотезы. Такой ошибочной гипотезой я считаю его представление о пронии, которое он развивает в разделе «Прония», помещенном в качестве приложения.

А. П. Каждан отрицает военный характер византийской пронии. На стр. 218 он пишет: «Нам представляется более близким к истине мнение Н. Скабалановича, считавшего, что прония в изученное им время не носила исключительно военного характера. И в более поздний период прония также не представляла собой исключительного вознаграждения за личную военную службу. Разумеется, мы знаем, что воины могли получать и часто получали пронии-экономию... Но было бы совершенно неправильно думать, будто пронии в это время получали только воины. Наряду с воинами (рыцарями), обладателями пронии оказываются и такие лица, которые не несли военной службы: женщины, духовные лица и церковные учреждения, чиновники».

Прония, по мнению Каждана, не представляла в XII в. пожалования земли. Прония возникает как пожалование частному лицу известной ренты из суммы государственных податей, взимаемой с той или другой деревни. В византийских источниках XI—XII вв. мы, по мнению Каждана, не находим данных, которые подтверждали бы мнение о том, что прония являлась условной земельной собственностью.

Эти выводы А. П. Каждан упорно преподносит как такие, которые отвечают действительности и являются марксистским пониманием пронии. Но наш автор при этом игнорирует византийские источники. Верно то, что в источниках мы встречаем известное количество случаев, в которых прония не имеет никакого отношения к военной службе, но эти случаи относятся главным образом к начальной стадии развития пронии, преимущественно к XI в. Никак нельзя отрицать, что в XII в. прония носит ярко выраженный военный характер. Это самым ясным образом видно из сообщения Никиты Хониата о том, что Мануил «голод войск врачевал

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, Госполитиздат, 1952, стр. 595.

пожалованием п^ариков», «когда прониары получали в надел пространства хорошо орошенной земли, плодоносные нивы и податных ромеев, которые должны были им служить в качестве рабов»¹. Каждан, игнорирующий в своей книге политическую историю, не ставит вопроса, каким образом Комнинам в XII в. удалось поднять обороноспособность государства, и поэтому умалчивает о том, что Комнины раздавали командирам пронии за военную службу.

Сообщения Хониата подтверждаются актовым материалом, например актами Афонской Лавры². Так, в документе от 1162 г. говорится, что Лавра уже имела споры с предшественниками Панкратия — стратиготами Андреем Романом и двумя братьями Лукитами, которые «на основе пронии владели теми же землями до Панкратия со времени Алексея I Комнина». Никто не может отрицать военного характера пронии стратиготов. Этот акт показывает нам, что военный характер пронии установился уже со времен Алексея I Комнина. Одним из средств, которыми пользовались Комнины для восстановления военного могущества империи, была «милитаризация» системы проний, т. е. раздача проний под условием военной службы.

Недаром Михаил Хониат (брат историка, митрополит афинский) жалуется, что крестьянские общины в конце XII в. жестоко страдают от так называемых «замковых» (καστρανοί), под которыми только и можно понимать военных прониаров.

Роль военных прониаров времени Комнинов и Ангелов становится еще более очевидной в свете данных источников последующего периода, т. е. периода латинского завоевания. Морейская хроника ясно показывает, что в момент латинского завоевания Пелопоннеса крестоносцами большая часть земель полуострова находилась в руках прониаров и что одни эти военные прониары представляли с византийской стороны реальную силу, с которой должны были считаться крестоносцы.

Та же Морейская хроника свидетельствует, что между византийской пронией и западноевропейским феодалом не было никакой существенной разницы: Морейская хроника употребляет эти два термина как равнозначные. О том, что в это же время в Никейской империи пронии имели военный характер, говорят акты монастыря Лемвиотиссы³, причем в этих документах, наряду с прониарами, сеньорами п^ариков и владельцами земель, упоминаются военные прониары, владеющие соляными варницами и рыбными ловлями. Этим и объясняется выражение Анны Комниной, что ее отец раздавал «пронии на суше и на море». Конечно, пронии от этого не теряли своего военного характера.

Уступая прониару земли или другое имущество под условием несения военной службы, правительство юридически передавало прониару доходы, которые оно раньше взимало с указанного имущества, в частности — ренту п^ариков. Но Каждан ошибается, думая, что прониары ограничивались мирным и скромным получением ренты. Никита Хониат сообщает, что прониары не только отнимали у п^ариков «серебро и оболы, но и снимали с них последнюю рубашку», превращали их фактически в своих рабов.

Далее, Каждан ошибочно отрицает условный характер пронии. Прония византийским правительством в XII—XIII вв. не рассматривалась как собственность прониара. Это было держание, даваемое временно и условно. Прониар не имел права продавать пронию. После его смерти, или если он

¹ Nicetos Choniatae Historia, ed. Bonn, 1835, lib. VII, cap. 4.

² G. Rouillard—P. Collomp. Actes de Lavra. Paris. 1937, N 57.

³ F. Miklosich—J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, vol. IV. Vindobonae, 1870, p. 39.

не выполнял военной службы, прония у него отбиралась и возвращалась государству. Как говорит акт 1262 г., имущество, передаваемое под видом пронии, остается собственностью государства¹. По характерному выражению документа 1233 г., «они (имущества, передаваемые под видом пронии) остаются всегда собственностью государства» (ὕπο την του δηλοσίου κερλι ἀίν τоте τελουντα)² и владелец их — господином своих париков, которые вносят ему свою ренту, вносимую ими раньше государству. Но с XIV в. прониары уже захватили право, которое у французов называлось *le droit de basse et moyenne justice*, а со времени утверждения на престоле Палеологов, по мере того как центральная власть слабеет и становится весьма уступчивой к претензиям феодалов, нарушается и принцип ненаследственности пронии. От XIV в. сохранилось большое количество актов, в которых земли, данные *κατά λόγον προνοίας*, превращаются в наследственную собственность *κατά λόγον γονικότατος*; но прония, становясь и наследственной, не перестает быть связанной с военной службой.

Таковы факты, которые напрасно пытается подвергнуть сомнению А. П. Каждан.

Непонятно, зачем понадобилось ему пропагандировать ошибочные теории, притом заимствованные подчас у буржуазных историков: П. Мутафчиева, Ф. Дёльгера и Е. Штейна.

Упорство Каждана в отстаивании своих ошибочных положений иногда заходит слишком далеко. Так, в своей статье, напечатанной в т. V «Византийского Временника» («Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии»), А. П. Каждан пытается выставить в качестве героя крестьянских восстаний византийского кулака и наживалу Симеона Виноградаря, хотя этот Симеон никогда не имел никакого отношения к восстанию эксплуатируемых масс. Его связь с крестьянством выражалась только в его крестьянском происхождении, но он всю свою жизнь настолько ревностно служил интересам эксплуататорского класса, что дослужился до высшего чина патрикия, а в 970 г. сначала принял участие в борьбе феодальных клик, выступив на стороне Варды Фоки, а затем, увидев неравенство сил, одним из первых покинул Варду Фоку и благополучно совершил отступление³. Возводить в советском историческом журнале этого ревностного слугу эксплуататорских классов и карьериста в ранг героев крестьянских восстаний значит унижать советскую историческую науку.

Можно указать в работе А. П. Каждана и еще ряд необоснованных гипотез и даже прямых ошибок. Так, на стр. 9 автор пишет: «Ф. И. Успенский, чрезвычайно много сделавший для изучения византийской общины, неправильно усматривал в ней организацию, прежде всего служившую опорой императорской власти». Автор забывает известное положение Ф. Энгельса: «Там, где уцелел древний общинный быт, он всюду, от Индии до России, служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма»⁴. Основываясь на этом указании Ф. Энгельса, Е. Э. Липшиц в своей работе «Византийское крестьянство и славянская колонизация VII—VIII вв.» правильно отмечала: «Так же, как и в восточных деспотиях, в Византии община надолго становится важнейшей опорой бюрократического централизованного госу-

¹ М.-М., VI, 213.

² Ibid., IV, 199.

³ Cedrenus, II, ed. Bonn, 1839, p. 39.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 183.

дарства, а вместе с тем и основанием самых грубых форм византийского деспотизма»¹.

Автор допускает путаницу по вопросу о том, существовала ли в Византии система открытых полей. На стр. 44 он, повидимому, признает факт наличия здесь такой системы, а на стр. 63 отвергает. На стр. 50 мы читаем: «В XI в. на территорию империи вторгаются влахи». Между тем хорошо известно, что влахи ниоткуда не вторгались, а составляли древнейшее население империи. Непонятно, чем автор может обосновать свой вывод, что в XIII в. в Малой Азии сохранилось значительное количество мелких крестьян-собственников, в то время как в Македонии крупное и среднее землевладение уже в начале XIV в. было, как полагает А. П. Каждан, «почти исключительным типом земельной собственности» (стр. 72). Мне представляется, что невозможно доказать и то и другое на основании таких скудных источников, которыми располагает автор. Во всяком случае, он и не пытается это сделать.

На стр. 74 автор пишет: «В балканских областях империи мы можем наблюдать сохранение большой семьи». Мне кажется, что это утверждение автора является ошибочным. Наоборот, все без исключения дошедшие до нас византийские писцовые книги говорят о малочисленных семьях византийских париков. Вымирание деревенского населения вследствие тяжелых условий жизни крестьянства — одна из характерных черт аграрной истории Византии.

На стр. 79 автор пытается доказать, что термин «эпик» мог применяться к зависимому населению, но он не может отрицать, что до нас дошло огромное количество документов, показывающих, что эпиками называли свободных людей города и деревни. На стр. 99 автор пишет: «Возможно, что в поздней Византии складывается правило, согласно которому член синклита мог быть судим только судом из членов синклита», но он забывает, что такое правило существовало уже в Юстиниановском законодательстве².

На стр. 105 автор ошибочно считает поручение Михаилу Хониату управлять островом Эгиной патронатом. Это было просто служебное поручение.

Непонятно, как можно говорить о подъеме византийской торговли в XI—XIII вв. (стр. 166—167). Автору, конечно, известно, что в конце XI в. турки-сельджуки захватили почти всю византийскую Малую Азию, что крайне губительно отразилось на византийских городах Малой Азии и на их торговле. На стр. 167 автор смело пишет, что «с конца XII в. византийская торговля еще более возрастает», как бы забывая, что в 1204 г. самая столица Византии была взята, разграблена и разрушена крестоносцами, а Фракия и Македония в XIII в. подверглись непрерывным опустошениям со стороны болгар, крестоносцев, татар, каталонской кампании. Можно говорить о развитии левантийских торговли и промыслов, но это не Византия.

В рецензируемой работе содержится еще ряд неточностей и ошибочных положений, но изложенного, мне кажется, достаточно, чтобы показать, что хотя в лице А. П. Каждана мы имеем способного молодого научного работника, но на его первой научной работе (кандидатской диссертации) явственно лежит отпечаток «экономического материализма», а излишняя самоуверенность автора приводит его к ряду необоснованных гипотез и ошибок.

М. Левченко

¹ «Византийский сборник». М.—Л., 1945, стр. 143.

² Cod. Theod., IX, I, 13.